

Вѣрное предугаданіе смертнаго часа.

Всматриваясь въ свою прошлую жизнь, я припоминаю одинъ, хотя давнишній, но весьма замѣчательный случай изъ моей пастырской дѣятельности, который и имѣю намѣреніе передать здѣсь для назиданія.

Прямо съ семинарской скамейки, я поступилъ священникомъ къ градо-Березовской Богородской церкви, гдѣ занималъ небольшой церковный домикъ, въ недалекомъ растояніи отъ церкви. Прямо моей квартиры, чрезъ улицу, жилъ въ своемъ домѣ мѣщанинъ Василій Антоновичъ Старковъ (уличное прозваніе его было Ченышковъ). Человѣкъ онъ былъ хотя не изъ богатыхъ, но и не бѣдный. Василій Антоновичъ любилъ частенько предаваться хмѣльнымъ напиткамъ; поэтому слылъ въ народѣ пьянчугою. Однажды—это было въ 1858 году—въ ноябрѣ мѣсяцѣ, не помню въ которое именно число, часовъ около четырехъ пополудни, пришла ко мнѣ младшая дочь Василя Антоновича и просила придти къ нимъ въ домъ напутствовать ея отца. Ни мало не медля я отправился въ церковь, взялъ что мнѣ нужно было, прихожу въ домъ, и лишь только что переступилъ чрезъ порогъ въ горницу, Василій Антоновичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ меня, принялъ благословеніе и заговорилъ первый: «ну батюшка, я побезпокоилъ тебя, чувствую что-то неладно, исповѣдуй меня и если можно приобщи, я сего дня ничего не ѣлъ». Сначала я усумнился и у меня родилась мысль, въ нормальномъ ли состояніи В. А.; но при дальнѣйшемъ разговорѣ я убѣдился, что В. А. въ нормальномъ состояніи и сивушнымъ запахомъ отъ него нисколько не пахло. Исповѣдалъ его и приобщилъ Св. Дарами. Едва только я покончилъ это, В. А. упалъ ко мнѣ въ ноги и со слезами на глазахъ началъ просить меня:

«батюшка, я тебя любилъ и уважалъ, исполни же ты мою послѣднюю просьбу: проводи меня до могилы: *завтра въ восемь часовъ утра меня уже не будетъ*». Какъ громъ поразили меня эти послѣднія слова. Немного опомнившись, я спросилъ его: какъ онъ знаетъ, что именно завтра и при томъ въ 8-мь часовъ утра онъ умретъ. «Нѣтъ, ужъ ты меня не спрашивай объ этомъ, дни и часы моей жизни исчислены; я это знаю,» — отвѣтилъ мнѣ Василій Антоновичъ. Послѣ этого я предложилъ ему, не желаетъ ли онъ побороться, на что онъ и согласился съ великою радостію, сказавъ: если можно, поборуйте, батюшка. Тотчасъ же я послалъ къ своему о. діакону Ѡ. П., чтобы онъ взявши изъ церкви, что нужно для совершенія таинства Елеосвященія, шелъ бы сюда; домашнимъ же велѣлъ приготовить также все нужное для этого таинства. Въ семействѣ В. А. состояли: жена, сынъ и три дочери; всѣ дѣти были въ совершенномъ возрастѣ, кромѣ младшей дочери, которой было 14-ть лѣтъ. Поэтому я посоветовалъ ему составить духовное завѣщаніе, на что онъ также безпрекословно согласился. Собрались родственники и ближайшіе сосѣди, духовное завѣщаніе было составлено; между тѣмъ пришелъ и о. діаконъ, и мы приступили къ совершенію таинства Елеосвященія. В. А. стоялъ подлѣ меня, клалъ земные поклоны, молился искренно, отъ души — со слезами, такъ что, если бы кто нибудь изъ постороннихъ лицъ взшелъ внезапно въ это время въ горницу и увидѣлъ, что здѣсь совершается таинство Елеосвященія, никакъ не могъ бы подумать, что это таинство совершается надъ В. А. Когда кончилось таинство Елеосвященія, В. А. снова упалъ мнѣ въ ноги, благодарилъ за все и снова со слезами просилъ меня, чтобы я проводилъ его до могилы и что онъ завтра утромъ отдастъ Богу душу. Побывъ еще немного времени, я простился съ В. А., благословилъ его и вышелъ изъ дома въ 11-ть часовъ вечера. Назавтра, хотя день былъ будничной, у меня положена была служба, поэтому поутру я отправился въ церковь, отслужилъ утреню и литургію, были еще кое какіе требы исполнены мною, такъ что я довольно долго призамешкался, и когда вышелъ изъ церкви, дорогою мнѣ попалась въ слезахъ та же младшая дочь Василя Антоновича, которая вчера приходила просить меня напутствовать его. Я остановилъ ее и спросилъ: что случилось?— «Батюшко нашъ скончался... бѣгу въ церковь за покровомъ», — отвѣтила мнѣ встрѣтившаяся. Не заходя домой я прямо отправился въ домъ Василя Антоновича, гдѣ онъ бездыханный лежалъ уже на столѣ.

На распросы мои о послѣднихъ часахъ жизни усопшаго, сынъ его разсказалъ мнѣ слѣдующее.— «Когда вы, батюшка, послѣ соборованія, ушли, а также разошлись и всѣ сторонніе люди, осталось одно наше семейство. Отецъ мой до самой послѣдней минуты жизни давалъ мнѣ наставленія, какъ мнѣ нужно жить; показывалъ, чтобы я не покидалъ и не забывалъ свою мать и сестеръ, заботился бы о нихъ; долги взыскивать съ инородцевъ велѣлъ такъ: кто отдастъ—ладно, а кто не будетъ отдавать—непринуждать, и эти его наставленія продолжались до разсвѣта. Потомъ онъ вдругъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Миша, перестели мнѣ постельку на полъ». Я взялъ съ дивана перинку и подушку, послалъ среди пола, и батюшка, обратившись къ Св. Иконамъ, положилъ три земныхъ поклона, потомъ благословилъ всѣхъ насъ, сказалъ: «прошайте и не забывайте меня!»... перекрестился, легъ и Богу душу отдалъ»...

Дивны дѣла Твои Господи! Кто какъ знаетъ, и кому какъ угодно объяснять это обстоятельство, я же съ своей стороны вывожу изъ него такое заключеніе: ошибочно и грѣшно люди по одному наружному виду судятъ человѣка, не зная его внутренняго душевнаго состоянія, которое извѣстно одному сердецвѣдцу Богу. Василій Антоновичъ слылъ за невоздержнаго человѣка, а между тѣмъ никто и никогда не видалъ и не слышалъ отъ него никакихъ оскорбленій. Былъ онъ скромный, добрый и религіозный человѣкъ. Не даромъ его любили и почитали всѣ инородцы, съ которыми онъ велъ торговля дѣла. Всякаго изъ нихъ, кто зайдетъ, или заѣдетъ къ нему, онъ напоить и накормить. За это то Господь Богъ и послалъ ему христіанскую, безболѣзненную, непостыдную, мирную кончину, каковой дай Богъ нѣкогда каждому изъ насъ сподобиться!

Протоіерей Ал. Тверитинъ.